

А. А. Беленок

МЫ ЖИЛИ В ОДНО ВРЕМЯ С НЕЙ...

Биография Ирины Марковны Поповой, с одной стороны, определена советское время, а с другой стороны, отражает перелом эпохи, «тяжелые для страны и всех нас годы», как написала она в посвящении к своей монографии «1989–1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе): Историко-социологические очерки» (2006). В этой книге она словно сигнализирует: пришло время для спокойного непредвзятого научного анализа нашего недавнего прошлого, для того, чтоб разобраться, почему романтика перестройки захлебнулась в «лихих 90-х». Многие ее оценки перестроечного периода, как показало время, оказались верными, другие пересмотрела и дополнила она сама. Независимо от отношения к советской эпохе, Ирина Марковна всегда считала себя причастной к ней. Из многочисленных бесед с ней я уяснил, что И. Попова, оставаясь независимым ученым, отстаивала иные стратегии реформирования общества, нежели те, что были приняты в 1991–1992 годах. «Лжи столько, что задохнуться можно», — писал в «Окаянных днях» в Одессе Иван Бунин. Спустя 80 лет истории предстояло повториться парадоксальным образом.

Ирина Марковна доказала на примере собственной жизни, что, находясь внутри советской (а позднее — постсоветской) системы, можно было ставить и решать многие серьезные проблемы общества, не прибегая к революционным шагам, которые, как правило, обращают развитие общества вспять и переламаывают судьбы миллионов людей.

Ирину Марковну больше интересовали судьбы простых людей, и она много сил отдала практическому воплощению идеи создания Народных архивов. Один из уроков ее жизни, на мой взгляд, заключался в том, чтобы брать на себя ответственность за историю, совершающуюся на твоих глазах и при твоём участии.

Производя новое научное знание, основываясь на данных номинально региональных исследований, Ирина Марковна внесла неоценимый вклад в понимание механизмов социетальной трансформации

не только украинского общества. Социальной средой и исследовательским объектом для нее было все постсоветское пространство (не говоря уже о том, что город ее жизни — Одесса — может считаться провинцией только в головах отдельных столичных снобов).

Скромность и мягкость характера сочетались в Ирине Марковне с твердостью в защите принципов — нравственных и творческих. Для ее стиля деятельности были характерны органическое единство теории и практики, традиции и свободы, ясность и завершенность формулировок в полемических докладах и статьях. Она всегда говорила то, что думала, делала то, во что верила. Неподдельное уважение к собеседнику, обязательность и деликатность, отношение к людям независимо от их статуса обнаруживали ее подлинную интеллигентность, вызывающую глубокую симпатию к ней. Ирина Марковна пользовалась уважением даже у тех, кто был ее идейным оппонентом. Она ни перед кем не заискивала, честно трудилась во имя лучшего будущего своей страны. До последнего дня была человеком очень энергичным, работоспособным, опровергавшим традиционные представления о возрасте. Очень многим теперь будет недоставать ее ненаписанных работ, непрочитанных лекций, просто человеческого слова, совета, поддержки... Для всех работавших с Ириной Марковной, знавших ее, она была и останется эталоном подвижнического отношения к социологии, к воспитанию и подготовке молодых специалистов, образцом Ученого, Педагога и Гражданина.

Верю, что сила ее влияния на общественные процессы в Украине будет сохраняться после окончания ее земной жизни. А нам, оставшимся, еще предстоит в полной мере освоить ее богатое творческое наследие.

Алексей Андреевич Беленок — ведущий социолог отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Г. П. Бессокирная

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОЛНОВАЛА ИРИНУ МАРКОВНУ ВСЕГДА

Социальная справедливость волновала Ирину Марковну всегда и периодически была предметом социологических исследований с ее участием. В конце 1980-х гг. проводились прессовый опрос и опрос занятого населения г. Одессы по месту работы. Результаты этих опросов оперативно публиковались [1]. К проблемам социальной справедливости Ирина Марковна вернулась через 10 лет [2]. В своих монографиях, опубликованных в 2000-е гг., Ирина Марковна также возвращается к этой теме [3, 4]. О том, что проблемы социальной справедливости волновали Ирину Марковну и в последние годы жизни, свидетельствует статья, опубликованная уже после ее смерти [5].

Со всеми этими публикациями при желании можно ознакомиться. Здесь хочу привести отрывки из писем, которые писала мне Ирина Марковна по электронной почте во время совместной работы над данной статьей. Они, как мне кажется, говорят о ней не только как об ученом, но и, в не меньшей степени, как о человеке.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 8.04.2008

Посылаю первую часть после доработки (редактировала и кое-что вставляла) так, чтобы Вы видели изменения. Что касается второй части (2007 год), то попробовала ее начать (посылаю «начало»). Далее не редактировала, так как буду ждать нового текста. Относительно плана второй части. В общем вроде бы логично. Я потом посмотрю и, если будет необходимость, — доработаю. Я думала о коэффициентах. Они действительно необходимы (у Вас в прошлом тексте только один раз ссылка на лямбду). Еще пожелания: в некоторых случаях целесообразно напоминать постановку вопросов, хотя бы в скобках. И еще: там, где сложные шкалы, хорошо бы сделать индексы со ссылкой, как они рассчитывались.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 9.04.2008

Я Вас сильно перегрузила. Ваше замечание к таблицам о повышении квалификации и принятии участия в решениях (присланные ранее) справедливы: потому и «более справедливо», что не ценится, так как неактуально. Это соответствует тем положениям, которые сформулированы в постановочной части. Эти таблицы можно дать в сравнении с 1989 годом — сразу видна разница. Сравнительные таблицы можно дать и об успешности борьбы: любопытно — в тоталитарном обществе рабочие считали свою борьбу с несправедливостью более успешной. Но это я могу сделать сама.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 12.04.2008

Прочитала Вашу с Темницким главу в «Человек и его работа». Заинтересовали данные, которые там в табл. 6, 7, 8, 9, но без разбивки на молодых и старше 30 лет. А главное — я жду текст, который Вы собирались переконструировать. Над ним и буду работать, так как для меня важны логические связи. В общем, пока у меня в голове какие-то противоречивые данные. Пытаюсь все это связать во что-то последовательное.

Ваши соображения о двух видах справедливости интересны. Термин «индивидуальный» для оценок — нехорошо. Лучше «своего труда» и «оплаты труда на предприятии».

Таблицы открыла, буду думать.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 13.04.2008

Получила письмо с ответами на все мои вопросы. Буду думать. Попыталась сравнить связи справедливостей с удовлетворенностями. Сделала для себя такую схему. Получается любопытно.

Насчет нетрудовой интерпретации справедливости буду искать более веские аргументы.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 17.04.2008

Интересно насчет удовлетворенности. В 1989 году удовлетворенность жизнью и материальным положением были связаны с оценками справедливости ЛИЧНОГО положения (оплаты труда, соответствия заработка трудовому вкладу). А удовлетворенность предприятием — с оценкой справедливости в трудовом коллективе и оплаты труда тоже в КОЛЛЕКТИВЕ. В 2007 году — прямо наоборот. Что бы это значило?

Жду текст. Если бы были все необходимые данные, писала бы сама. Но следующая неделя будет очень трудной: каждый день ГЭК. 19-го у Л. Н. день рождения, а вчера у него поднялась температура. Сегодня нормальная, лечим. У нас проливной дождь и ярко светит солнце. Такое вижу впервые в жизни.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 22.04.2008

Спасибо за таблицы. Хотела бы, чтобы Вы дали некоторые пояснения.

И еще. Мне ждать Вашего нового текста? На этой неделе времени будет немного: каждый день ГЭК. Но на следующей могла бы заняться статьей.

Л. Н. поправляется, но чувствует себя неважно.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 24.04.2008

Оксана мне передала 3-й номер. Спасибо. Он очень интересен для нас. Интересны статьи Трушкова и Максимова. Трушков прямо пишет о том, о чем, как я считала, свидетельствуют и наши данные: о деградации труда (я, как помню, даже употребляла этот термин) и это главный вывод. А еще выводы методологические: бросаться нужно в первую очередь не туда, что считают несправедливым, а постараться понять, почему относительно справедливыми считают вещи (а значит незначимыми), которые на самом деле важны.

И. М. Попова — Г. Бессокирной. 26.04.2008

Я так увлеклась статейными вопросами, что даже не спросила, как Витя. Вам сейчас не до этого, тогда не спешите. Самое главное — как Витино и Ваше здоровье.

Список литературы

1. Попова И. М. Социальная справедливость. Ваше мнение? // Знамя коммунизма. — 1989. — 21 декабря.

2. Попова И. М. Социальная справедливость: Ваше мнение // Вечерняя Одесса. — 1999. — 23 ноября.

3. Попова И. М. Самоочевидные представления, идея «справедливости» // Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. — К.: Институт социологии НАНУ, 2000. — С. 129—139.

4. Попова И. М. Что понимали под социальной справедливостью и как ее оценивали. «Справедливость» в 1989 и в 1998 гг. // 1989—1991 Диагноз вре-

мени (Одесситы о себе и переменах в обществе): Историко-социологические очерки. — Одесса: Астропринт, 2006. — С. 57–86.

5. Попова И. М., Бессокирная Г. П. Социальная справедливость: представления и оценки рабочих // Социологический журнал. — 2008. — № 3. — С. 82–105.

Галина Петровна Бессокирная — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

Э. А. Гансова

ИРИНА МАРКОВНА ПОПОВА — ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Социология для И. М. Поповой была не абстрактной наукой. Это было эмоционально пережитое знание. Рациональность в данном случае проходила эмоциональную проверку на истинность и отвергалась, если не находила чувственного подтверждения.

Повседневность была для нее источником идей, творческих концепций. Огромный объем научной информации она осмысляла посвоему.

Эмоциональная доминанта не позволяла ей быть беспристрастной. Но ее субъективность приносила в социологическое знание свежесть и новизну.

Еще одной особенностью И. М. Поповой было отсутствие чувства конъюнктуры. Будучи духовным диссидентом в советское время, она сохраняла «верность» марксизму в постсоветский период, когда творчество К. Маркса было «обесценено» на идеологическом рынке. Ее привлекало в марксизме все то, что подтверждалось повседневной практикой, ее жизненным опытом, событиями, происходившими в стране и мире.

Собственное осмысление классики и современности делало ее работы творческими и новаторскими.

И. М. Попова вместе с блестящей плеядой представителей ленинградской (питерской) школы (В. Ядовым, А. Здравомысловым) была автором и разработчиком «социологии труда», «промышленной социологии», «социологии управления» в 60–70-е годы.

Ее книги «Сознание и трудовая деятельность», «Введение в социологию: пропедевтика», «Повседневные идеологии», как и многие другие монографические издания, статьи в российских и украинских журналах, являются бесценным научным и учебным материалом.

Тексты ее работ заставляют читателя задуматься над множеством современных проблем. Вот те из них, которые имеют форму откры-

тых вопросов. «Какой вид деятельности можно называть словом «труд» сегодня?»; «В условиях рыночной экономики труд — это «самоценность» или средство приобретения ценностей?»; «Что следует называть идеологией в XXI веке?»; «В условиях «идеологического вакуума» идеология творится массовым сознанием?»; «Каковы причины динамики ценностного сознания украинского общества?» и многие другие.

Дистанция, возникшая между И. М. Поповой и нами, вызванная ее неожиданной смертью, позволяет по-новому взглянуть на нее как на ученого и человека, педагога и исследователя социальных систем. Диапазон ее научных интересов охватывал как макропроцессы (экономика, политика), так и микропроцессы (проблема «социального сиротства»).

Научное наследие И. М. Поповой, концепции, принципы и подходы, которые мы находим в ее книгах и статьях, продолжают влиять на формирование социологического сознания и социологических знаний нового поколения профессиональных социологов.

Эмма Августовна Гансова — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова

Е. И. Головаха

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И. М. ПОПОВОЙ И ЕЕ УРОКИ

Ирине Марковне Поповой принадлежит уникальное место в украинской социологии. Она была первым социологом Украины, чей профессиональный статус получил официальное подтверждение. Ее докторская диссертация защищена по экзотической в 70-е годы прошлого столетия философской специальности «прикладная социология». Этот факт сам по себе свидетельствует об уникальной позиции И. М. Поповой в отечественном социологическом сообществе. Быть первооткрывателем всегда трудно. И не только потому, что нужно осваивать технические нюансы защиты по новой и весьма рискованной специальности. Главная трудность — это отсутствие привычных рамок, стандартов, идеологических клише, которые в те времена были атрибутом «успешных» диссертационных работ по общественным наукам. Все понимали, как писать работы по канувшим в Лету историческому материализму и научному коммунизму, но мало кто мог представить себе, с какими проблемами столкнется философ, специализирующийся в загадочной области прикладной социологии. И великое благо для нашей социологии, что именно Ирина Марковна отважилась стать первым дипломированным доктором.

Я не буду специально говорить об Одесской социологической школе в классическом науковедческом понимании категории «научная школа» — пусть об этом скажут ученики и последователи Ирины Марковны. Когда ученый и педагог такого масштаба более полувека трудится в одном городе — руководит многочисленными исследованиями, преподает в университете, постоянно выступает в городских СМИ — результаты его работы должны во многом повлиять на интеллектуальную жизнь города и самосознание его жителей. Думаю, об этом должны сказать сами одесситы, отдавая дань памяти выдающегося ученого и удивительного человека, каким я знал Ирину Марковну и по научным трудам, и по личному общению. Впрочем, об этом уже

написала О. Д. Куценко в блестящей рецензии на последнюю книгу Ирины Марковны «Диагноз времени»: «Если признать, что научная школа — это традиция, преемственность, особый научный этос, исследовательские программы, генерируемые крупным ученым, вокруг которого группируются ученики, сделавшие совокупный заметный вклад в науку, то мы вполне можем говорить об уникальной Одесской школе социологии, лидером которой была Ирина Марковна Попова» [1].

Чем Ирина Марковна отличалась от многих авторитетов общественной науки в советские времена — так это полным отсутствием интереса к месту человека в социальной иерархии. Каждый мог получить от нее заслуженную похвалу или хулу независимо от статуса. Я это почувствовал и на своей ученой шкуре в те времена, когда критики в мой адрес мне стало явно не хватать. Вот тут-то Ирине Марковне и попалась моя статья про более высокий уровень благосостояния обнищавших граждан независимой Украины в середине 1990-х в сравнении с гражданами блаженных времен застоя начала 80-х. Мне казалось, что я все очень удачно обосновал эмпирически и вполне адекватно сделал вывод о феномене «массового психологического обнищания», непосредственно не связанного с реальным обнищанием, о котором в те времена принято было говорить как о факте постсоветской действительности, который невозможно подвергать сомнению. Не считал необходимым реагировать на обвинения левых идеологов в апологетике либеральных иллюзий, в манипулировании данными социологических исследований, поскольку понимал, что к науке эти обвинения никакого отношения не имели. Поначалу несколько снисходительно воспринял и возражения Ирины Марковны, которые она высказала мне в личном общении. Ее аргументы, в отличие от моих, основывались не на конкретных данных. А вот и первый урок, который я вынес из Школы И. М. Поповой: через пару лет в наш журнал, пришла статья, в которой ученица Ирины Марковны уже на основе конкретных исследований опровергала мои выводы. До сих пор не знаю, кто из нас был прав. Наверное, истина находилась где-то посередине. Но зерно сомнения было посеяно. С тех пор я был осторожнее в своих выводах, поскольку недоразрушенное и недостроенное постсоветское общество — противоречиво в самой своей сути.

Другой урок — это отношение Ирины Марковне ко мне — тогда еще относительно молодому социологу, которого Высшие Ин-

станции в начале 80-х годов прошлого столетия послали в Одессу проводить опрос. Приданные мне городскими властями социологи оказались ленивыми и лукавыми. Жаловаться на них Инстанциям я, конечно же, не стал, а просто обратился за помощью к Ирине Марковне, которая никаких обязательств передо мной не имела. Она посмотрела анкету, ей идея понравилась, и несколько дней она и ее ученики помогали мне проводить опрос, вводить и обрабатывать данные. Помогли слабому и не дай облагнеть сильному — думаю, эти уроки из Школы Ирины Марковны Поповой могли бы извлечь многие из нас. Это не означает, конечно, что в Школе не было санкций. Вспоминаю Ученые советы по защите диссертаций, на которых присутствовала Ирина Марковна. Когда она брала слово, уши прижимали все — критика была справедливой, жесткой и последовательной. Для меня во многом было критерием высокого качества диссертации желание соискателя пригласить оппонентом Ирину Марковну. Если не убоялся ее возможной критической оценки, значит, работа подготовлена добросовестно и профессионально. В связи с этим хочу привести цитату из текста, подготовленного ведущими нашими социологами Наталией Костенко и Сергеем Макеевым в номер журнала «Социология: теория, методы, маркетинг», посвященный памяти И. М. Поповой: «Поддержать притязание быть социологом в условиях глубокого дефицита обучающей литературы и образцов, которым стоило бы следовать, увидеть в первом научном труде то, что самому автору еще не разглядеть, обозначить перспективу — это мы также перенимали у Ирины Марковны. Тем более, что оказались включенными в опыт ее работы. У нас обоих она была оппонентом и кандидатских, и докторских диссертаций, и мы хорошо помним, как высоко значимыми были ее поощрения и порицания, как непоколебимо уверены мы были в том, что ее-то вердикт будет справедлив» [2].

Еще один очень важный для меня урок связан с постоянным творческим поиском, который отличал Ирину Марковну в последние годы работы, когда она, освободившись от административных функций, смогла полностью сосредоточиться на творчестве. Все ее статьи, которые мы с гордостью публиковали в нашем журнале, отличались не просто свежими идеями, но, прежде всего, открытием новых направлений социологических исследований. Меня поражало то, что она не подводила итоги многолетней исследовательской работы, а искала новое там, где многие ее более молодые коллеги этого не виде-

ли. В этом она была очень похожа на своего однокурсника Владимира Александровича Ядова, который, как и Ирина Марковна, вполне мог пожинать плоды заслуженного признания, но постоянно находится в творческом поиске. Общей их чертой является и ясность мышления, способность о сложном говорить так, что не понять их мысль могут только совсем уж ограниченные и малообразованные люди. Именно поэтому учебники, подготовленные Ядовым и Поповой, до сих пор являются одними из лучших в постсоветском социологическом пространстве. Мое мнение в оценке учебника для студентов, наверное, не самое веское, поскольку со студентами общаюсь редко. Но вот мнение преподавателя социологии: «Существуют тексты, которые стали привычными для восприятия, поскольку не один год по ним учатся студенты, тексты, которые ты рекомендуешь для прочтения, не задумываясь, ведь это то, что будущим специалистам-социологам знать просто необходимо. К таким текстам относится учебник Ирины Марковны Поповой «Социология. Препедевтический курс», за 12 лет ставший своеобразным украинским научным бестселлером. Его особенностью является простота изложения материала, четкость формулировки базовых научных понятий и особый авторский стиль. Такого рода тексты — учебники по введению в специальность — представляют собой особый и крайне сложный для написания жанр научной литературы. Только настоящий профессионал, обладающий щедростью и даром просветителя, может написать учебник, пользующийся длительным читательским спросом. Такой учебник оставила нам Ирина Марковна Попова» [3].

Особое значение для меня имеет одна из последних публикаций Ирины Марковны, которую она подготовила по материалам своего доклада на I Международных социологических чтениях памяти Натальи Паниной в декабре 2007 года. Это истинное научное завещание, в котором с особой нравственной силой звучит ее обращение к молодым социологам: «Помните о том, что за вами — не пустота, вам есть от чего отталкиваться. Мы были и мы еще есть, и желаю вам активно и успешно работать на благородном поприще социологии» [4].

И последнее... В 2001 году мы отмечали юбилей Ирины Марковны. В связи с этим в нашем журнале было опубликовано интервью, подготовленное ее учениками и коллегами. Были там и два вопроса, ответы на которые оказались пророческими:

«Ваше самое заветное желание?»

И. П.: Если смерти — то мгновенной. Если раны — небольшой.

Какова Ваша главная жизненная цель?

И. П.: Сейчас одна главная цель — оставить о себе добрую память в сердцах людей, чтобы вспоминали «не злым, тихим словом» [5].

Мы помним. И должны сделать все, чтобы эта память оставалась живой и после нас.

Литература

1. Куценко О. Диагноз времени глазами Ирины Марковны Поповой (Попова *И. М.* 1989—1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе). — Одесса: Астропринт, 2006. — 232 с.) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 3. — С. 218.
2. Костенко Н., Макеев С. Дорогая Ирина Марковна // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 10—11.
3. Отрешко Н. Запоздалая читательская благодарность... // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 11.
4. Попова И. Публичность как проблема функционирования социологии в Украине // Сучасний стан та перспективи розвитку соціології в Україні та Європі. Матеріали Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н. В. Паніної. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2008. — С. 59.
5. Интервью с Ириной Марковной Поповой // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 210.

Евгений Иванович Головаха — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины, заместитель директора Института социологии НАН Украины.

Е. В. Князева

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГА — ЖИТЬ ДЛЯ ДРУГИХ

ПРОБЛЕМА «СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА» и детской беспризорности в течение нескольких последних лет находилась в поле зрения профессора Поповой И. М. Она обращала внимание на то, что систематических обследований, имеющих научно обоснованную базу для изучения данного социального явления, в масштабах Украины или крупных регионов не проводится, а имеющаяся информация не дает возможности охарактеризовать специфику различных групп детей, находящихся «в неблагоприятных жизненных обстоятельствах» и, соответственно, определить эффективные меры, которые следует применять к различным категориям неблагополучных детей. Основанием для такого заключения явилось знакомство с системой учета беспризорных детей, а также предпринятый под руководством Ирины Марковны анализ информации, содержащейся в личных делах детей, прошедших через приюты г. Одессы в течение 2002–2007 гг.

На основании анализа 3326 личных дел детей, находящихся в Одесских городских приютах: приют № 1 (всего 1306 дел) и приют № 2 (1930 дел) за период с 2002 по май 2007 гг., была сформирована электронная база данных. Информационная база данных была создана по инициативе и на средства сотрудников кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета имени И. И. Мечникова при активном участии студентов. Копии БД были переданы сразу же во все курирующие проблему детской беспризорности инстанции. С отчетом по результатам исследования 8 февраля 2008 г. мы выступили на рабочем совещании в управлении криминальной милиции МВД в Одесской области. Практически все присутствующие на этом совещании чиновники негативно отреагировали на результаты отчета. 23 февраля 2008 года в газете «Вечерняя Одесса» было опубликовано Открытое письмо председателю областной администрации Н. Сердюку и одесскому городскому го-

лове Э. Гурвицу «Что делать с беспризорными детьми?». Хотелось бы вкратце остановиться на тех выводах, которые были сделаны Ириной Марковной, и на том, чего так испугались местные чиновники:

1. Общение с этими детьми, изучение их образа жизни и личностных особенностей свидетельствует о том, что в данном случае требуется *длительная социально-психологическая реабилитация и одновременно медицинское лечение*. К сожалению, для совмещения этих функций отсутствуют необходимые условия, несмотря на множество всевозможных организаций и различного рода фондов. Ирина Марковна считала, что определение эффективных мер, направленных на реабилитацию **именно этой категории детей**, предполагает сотрудничество государственных и общественных организаций с научными группами, занимающимися исследованием данной проблемы, а также координацию работы различных ведомств: Министерства внутренних дел, Министерства образования и науки, Министерства по делам семьи, молодежи и спорта, Министерства здравоохранения.

2. Выяснилось, например, что 50 % детей, внесенных на основании данных учета приютов в исследуемый нами массив, упоминаются в нем два и более раз. Такой способ учета, с нашей точки зрения, не является корректным, т. к. реабилитация беспризорного ребенка предполагает индивидуальную работу с ним и понимание истории его небольшого жизненного пути, возможность иметь в поле зрения особенности его поведения в различные периоды жизни вплоть до совершеннолетия. Это так же необходимо, как и знакомство с историей болезни при лечении больного.

3. Оказалось, что основной причиной выбытия из приюта и характеристикой направления выбытия является «самовольный уход». **Улица, таким образом, постоянно воспроизводит себя, причем положительной динамики в этом отношении не наблюдается.** Парадокс состоит и в том, что, несмотря на все тяготы уличной жизни, она, несомненно, привлекает детей, которые там уже побывали. Она полна приключений и порождает иллюзию свободы, отсутствия каких-либо обязанностей.

И, наконец, последнее. Ирина Марковна неоднократно настаивала на том, что сегодня крайне необходимо прежде всего на законодательном уровне перестроить всю систему мер, направленных на преодоление беспризорности, и в первую очередь:

– создать централизованную, научно обоснованную **электронную систему** учета беспризорных и безнадзорных детей, на основании которой можно было бы определить местонахождение ребенка, проследить изменение его состояния, динамику поведения;

– разработать критерии и определить управленческие механизмы, позволяющие дифференцировать (стратифицировать) безнадзорных и беспризорных детей на группы для их дальнейшей реабилитации в местах, соответствующих степени дезадаптации детей и имеющих необходимые условия для оказания персональной (адресной) помощи;

– перепрофилировать имеющиеся учреждения в различные центры реабилитации, соответствующие разным категориям детей, предусмотрев создание специального центра медико-социальной реабилитации, в котором были бы совмещены функции лечения, психологической реабилитации, обучения и воспитания.

Елена Владимировна Князева — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

Н. В. Костенко, С. А. Макеев
ДОРОГАЯ ИРИНА МАРКОВНА

Как трудно попасть в верную интонацию, когда хочется одновременно говорить громко и приглушенно, когда публичное и слишком личное требуют своего — высказать безграничное уважение и горечь утраты. В ночь на 29 мая 2008 года, практически ровно через 50 лет после создания Советской социологической ассоциации, не стало Ирины Марковны Поповой — одного из очень немногих, действительно считанных ученых, кто выполнил для нашей дисциплины и для всех нас работу, которой уже не повторить. Сейчас мы вроде бы знаем, что наука — это люди, которые занимаются ею серьезно, честно, с воодушевлением. Истончающаяся ныне практика, именовавшаяся прежде служением... Такой и была Ирина Марковна, такой и была ее социология. Настигает грустное понимание, что нам уже во всей полноте не почувствовать, не вообразить, каково было им, первым, создававшим науку в наших социологически девственных пределах полвека назад. Должно быть, особая привилегия первых — не иметь учителей, но самим становиться учителями идущих вслед. Этот статус не передается и не наследуется, он производится в единичных экземплярах и отступает во вневремя вместе с его носителями.

Но остаются их книги и статьи, интервью, воспоминания от личных встреч и разговоров. В этом основания нашей памяти о той Ирине Марковне, которую мы знали, видели, слышали, порой оказываясь рядом, другие же узнавали по плодам ее трудов, прежде всего по книгам. Меньше всего она настаивала на переимчивости и тем более не ожидала подражания, но то, что было в ее натуре, что было ей присуще, воспринималось как некий правый пример, устойчиво притягивающий своей ненавязчивой силой.

Социолог должен иметь дело с непопулярными вещами и обстоятельствами — для Ирины Марковны это естественно. Избрать после окончания философского факультета сферой профессиональной деятельности науку об обществе — весьма далекое от признания, скорее рискованное даже по оттепельным представлениям интеллек-

туальное занятие — никак не дань моде, но безошибочность вкуса. Разумеется, свою роль сыграл и круг общения. Г. Андреева, А. Здравомыслов, М. Мамардашвили, Р. Медведев, Э. Соловьев, В. Ядов, а в украинской среде Е. Якуба, В. Черноволенко, В. Оссовский — лишь некоторые из тех, кого Ирина Марковна вспоминала с симпатией и благодарностью. Но ведь выбор единомышленников редко бывает случайным, тут тоже многое складывается по определенному правилу, обязывающему откликаться отнюдь не на все ритмы и призывы времени. Такая разновидность сообщества понималась ею, можно предположить, как наиболее адекватная и ценная структура, формирующая социологическое воображение и горизонты науки.

Она никогда не изменяла и принципу вдумчиво общаться с текстами классиков и современников, живо, с интересом, непременно критически, перечитывая уже читанное и знакомясь с переводными и отечественными новинками. Способность быть в курсе последних достижений всегда поражала: мы только неспешно думаем о возможности на них отозваться, а Ирина Марковна в своих текстах и докладах уже аргументированно спорит или соглашается с недавно открытыми для нас французами или немцами. Конечно, иного способа тогда стать социологом не было. Впрочем, его нет и сейчас, когда источники почти без ограничений доступны, а навык общения с ними все так и не распространяется вширь.

Между тем не об аутентичности прочтения стоит заботиться главным образом. Аутентичности вообще не бывает — Ирина Марковна допускала и признавала множественность, вариативность интерпретаций социологических текстов. В середине 1990-х годов, к примеру, она пытается прояснить для себя социологический ресурс Марксова наследия, которое стали отвергать, делая это как нечто само собой разумеющееся, без особых затрат на поиск доказательств. Значит, самое время заново перечесть и осмыслить с позиций сегодняшнего дня им написанное. Переистолкование же собственных работ вошло для нее в рабочую привычку: последняя большая работа «Диагноз времени» — событие совсем недавнее, а ведь была еще и книга «Сознание и трудовая деятельность» в середине 1980-х, где передумывались и заново оценивались результаты эмпирических обследований трудовых ситуаций и отношений в промышленности — тех самых данных, что составили основу докторской диссертации 1976 года — первой докторской по социологии (доктор философских наук по специальности «прикладная социология») в Украине и второй, по ее собствен-

ному признанию, в СССР. У социолога (как можно понимать такую привычку) нет «идеальной позиции», которая бы гарантировала ему правильность и обществоведчески-гуманитарную безгрешность. Лукавство, осознанное или вынужденное, часто бывает следствием самоуспокоения, миновать ловушку которого социолог способен лишь перепроверкой собственных выводов. Но трудно даже вообразить, насколько нужно быть укорененным в предмете, постоянно в нем пребывать, сохраняя увлеченность и желание глубже понять! Это свойство, доступное немногим, но так характерное для Ирины Марковны. Потому что предмет, о котором мы говорим, — это люди, с их эмоциями, надеждами, предубеждениями, стереотипами, ценностями, и несовпадения их вербального и реального поведения надо не обличать, а объяснять, приняв за данность.

Для нее, кроме того, социология представляла собой еще и способ действия в мире. Мир непременно уступит нашим усилиям, преобразующим общество в лучшем из возможных направлений, — не следует только их ослаблять. Тут узнаваемо проступает совершенно неискоренимый и неистребимый дух просветительства, убежденность в эмансипирующей и творческой миссии знания об устройстве и особенностях жизни социума в целом и в его отдельных составляющих. И сейчас, как и в советское время, важно дать тем, кто руководит, надежную информацию для принятия ответственных и нужных решений, невзирая на всяческое противодействие. Здесь же проясняется значимость и доброжелательной и неустанной заботы о возвращении будущих обладателей социологической компетентности — студентов, аспирантов, соискателей ученых званий. На первых порах становления социологии рецензирование было весьма специфическим видом научной работы. Поддержать притязание быть социологом в условиях глубокого дефицита обучающей литературы и образцов, которым стоило бы следовать, увидеть в первом научном труде то, что самому автору еще не разглядеть, обозначить перспективу — это мы также перенимали у Ирины Марковны. Тем более, что оказались включенными в опыт ее работы. У нас обоих она была оппонентом и кандидатских, и докторских диссертаций, и мы хорошо помним, насколько значимыми были ее поощрения и порицания, как непоколебимо уверены мы были в том, что ее-то вердикт будет справедлив.

Ей чужды были дисциплинарные или государственные границы, она сторонилась людей, которые словом и делом всякий раз устанавливали между, то есть разъединяли, она дискутировала с ними со всей

страстью вовлеченного в общественную жизнь человека, творящего солидарности, — и ничего иного. Попав однажды, скорее волею случая, на проторенные тропы социологии, мы поняли, что эта наука чего-то стоит, если отдают ей свои силы и помыслы такие люди, как Ирина Марковна. Хрупкая красивая женщина, прекрасный ученый, не растративший веры, не исчерпавший своего созидательного запаса. Двадцатый век отпускает своих кумиров. Предательски торопясь, уходит эпоха. Но, дорогая Ирина Марковна, эффект Вашего присутствия будет долгим и прочным.

Наталья Викторовна Костенко — доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины.

Сергей Алексеевич Макеев — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины.

О. Р. Лычковская

ПАМЯТИ ИРИНЫ МАРКОВНЫ ПОПОВОЙ

Жизнь моего учителя и наставника, Ирины Марковны Поповой, вместила в себя целую эпоху, Великую Отечественную войну, вторую половину XX века, начало нового XXI столетия — время воодушевлений и трагических разочарований, время веры в безграничные возможности человеческого разума и время глобального переосмысления места человека в этом мире. Все эти вехи истории Ирина Марковна Попова прожила не только как современница и участница событий, но и как ученый-социолог, для которого было присуще «социологическое воображение»: равнодушие ко всему происходящему, чуткое внимание к судьбе каждого встретившегося на ее пути человека, осмысление всего свершающегося и свершившегося через призму интересов простых людей и, одновременно, умение подняться над эпохой и увидеть достижения и просчеты как в жизни общества, так и в жизни научного сообщества социологов, которым она верно служила такое долгое и такое невосполнимо короткое время, всю свою земную жизнь.

Именно обычный человек с его эмоциями и надеждами, горестями и радостями, ожиданиями и предубеждениями, которые так причудливо переплетены в его повседневном сознании и практической деятельности, тот, которого мы встречаем каждый день, живем и работаем бок о бок, всегда оставался главным предметом исследований Ирины Марковны. Она любила этого непростого человека, принимала, понимала и объясняла его поведение, а главную функцию социологии видела не только в научной интерпретации мира, но и в его улучшении, в снабжении надежной научной информацией тех, кто им руководит, и неустанной заботе о тех группах общества, кто нуждается в помощи и защите. Она являлась человеком и ученым, которому были чужды заискивание и чинопочитание и одновременно присущи неподдельное уважение к собеседнику, обязательность и деликатность, независимо от того, руководителем или же учеником он был. Ирина Марковна была мудрой женщиной, умелым руково-

дителем, непредвзятым оппонентом и добрым другом. Такой она и останется в нашей памяти и наших сердцах.

И в завершение хотелось бы привести заключительные слова ее последнего публичного выступления на 1 Международной конференции памяти Н. Паниной, которая состоялась в Киеве 10 декабря 2007 года, которые теперь, по прошествии времени, воспринимаются как интеллектуальное завещание, обращенное к последующим поколениям исследователей-социологов: «Помните о том, что за вами — не пустота, вам есть от кого отталкиваться. Мы были, и мы еще есть, и желаю вам активно и усиленно работать на благородном поприще социологии» [Ирина Попова. Публичность социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 20].

Оксана Рейнгольдовна Лычковская — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, председатель Бюро Южно-Украинского отделения Социологической ассоциации Украины.

В. С. Максименко

ИРИНА МАРКОВНА. ИРА

Это было недавно, если судить о силе впечатления. Это было давно, если — по календарю: прошло, страшно сказать, более полувека.

Четвёртый курс физмата. Мы уже прошли (если честно, то прошли мимо) целый ряд предметов, которые традиционно относятся к общественным наукам. Многие обществоведы вольно или невольно были догматичны и демагогичны. «Марксизм-ленинизм учит», — говорили они, полагая, что это синоним истины, а мы повторяли эту удобную формулу, за которую не могли нести ответственности: ведь действительно «учит».

И вот совершенно неожиданно в аудитории появилась симпатичная, умная молодая женщина, которая стала вести семинарские занятия по философии — Ирина Марковна Попова. Её между собой мы, естественно, начали называть Иррой и так называли «всю оставшуюся жизнь».

Она была немногословна. Умело стимулировала нас на высказывание собственного мнения. Ей явно — неожиданно для нас — было интересно слушать. Мы не «отбывали» занятия. Ожидали их, готовились к ним и, чего греха таить, старались произвести впечатление на Иру. Нет, она не была диссиденткой. Как мы поняли позднее, Ира скользила по лезвию ножа, стараясь не говорить неправду и не выступать явно против так называемого марксизма-ленинизма.

Много позднее я спросил, не было ли обидно при её квалификации работать не с близкими по профилю историками, а с физиками и математиками, для которых философия не была профилирующей дисциплиной. Она неожиданно ответила, что с нами ей было интересней, ибо мы в большинстве своём не повторяли заученные «истины» в отличие от большинства социализированных «идейных» историков. В нашей аудитории, сказала она, «можно было услышать живое слово». Тогда, в юные годы, мы это чувствовали интуитивно, не умея сформулировать. Такие педагоги, как она, конечно, были редки, и многие из нас запомнили её навсегда.

Вскоре мы с Ириной Марковной стали коллегами: я начал читать курсы атомной и ядерной физики. Обычно мы встречались в коридорах, приветливо здоровались. Мне было приятно, когда она называла меня не по имени-отчеству, а просто Валей. (Так будет до последней встречи.) Ещё мы общались на семинарах для педагогов. Слушали яркие, глубокие выступления А. Уёмова, приглашению которого в Одессу способствовала и Ирина Марковна, его учеников и умных последователей-«системщиков». Потом обком «разберётся», и на годы Авенир Иванович будет отлучён от университета...

Вокруг Ирины Марковны группировались наиболее грамотные, интеллигентные коллеги — педагоги, лаборанты кабинета философии, студенты. Она была, как теперь сказали бы, харизматична. Мы, студенты, всего на 5–6 лет младше её, рассуждали, кто мог бы «стать героем её романа». Сходились на том, что не мачо (тогда, правда, мы этого слова не знали), а непременно умный, честный, тонко чувствующий человек.

Ирина Марковна умела дружить. Хочу вспомнить её подругу Ирину Яковлевну Матковскую. Впрочем, круг её близких людей не был широк. И это естественно для порядочного и принципиального человека. Ей был чужд корпоративный снобизм, которым грешат неразумные гуманитарии.

В жизни любого преподавателя вуза возникает дилемма — наука или педагогика. Конечно, на практике и одно, и другое «имеет место быть», но что-то доминирует. Мне кажется, что Ирина Марковна отдавала предпочтение науке (не схоластичной, состоящей из апробированного набора, подлежащего варьированию догм, а науке — поиску истины). Её педагогика была ориентирована на поиск единомышленников, совместными усилиями с которыми познавалась реальность.

Она всегда умела ценить время. Не мог представить её занятой «светскими разговорами», шопингом (и этого слова мы не знали) и т. д.

Каюсь, мне даже трудно было представить себе, как она успела стать матерью двух сыновей. Они талантливы и порядочны, как их родители. Она могла по праву гордиться ими.

Неожиданно жизнь свела меня с Ириной Марковной на годы **СОВМЕСТНОЙ** работы. Здесь вынужденно придётся немного рассказать о себе. Случилось так, что мне пришлось поставить «двойку» профессорскому сыну. Профессоров было тогда всего четыре на весь физико-математический факультет. Папа профессор, с одной стороны, с другой я, всего-то, пусть и чтимый студентами, старший преподаватель. Силы явно неравные. Пришлось переживать неприятности.

Но когда они стали распространяться на моих студентов, принял решение — за два года до конкурса — уйти «по собственному желанию». Уходил, что называется в никуда, а у меня уже была семья... Ректор не хотел подписывать моё заявление, обещал поддержку, но я резонно возразил, что рано или поздно ему это надоест и... «победит сильнейший». Он подписал моё заявление, правда, выразив надежду, что наступит время, когда я смогу вернуться в университет...

Идти домой с грустной вестью мне было не легко. На квартале, соединяющем наш главный корпус, где располагается кабинет ректора, с корпусом истфака, встретил Ирину Марковну. Она рассказала, что задумала создать социологическую группу, что ей «нужен математик с гуманитарными знаниями и интересами, такой, как вы», попросила рекомендовать кого-то. Сказал, что могу это сделать. Она начала объяснять, как связать будущего сотрудника с нею.

Остановил её, сказав, что связывать не придётся, так как этот математик... я. Ирина Марковна была довольна. Я тоже, так как оставался безработным всего около трети часа. Правда, новая работа несколько хуже оплачивалась и была менее престижной: старший преподаватель университета стал внештатным старшим инженером по хозяйственной тематике. А вскоре наша группа покинула университет. Мы стали подразделением Южного научного центра АН УССР. Пять лет посвятили организации первых в нашем городе прикладных социологических исследований. Читал лекции по количественным методам в прикладных исследованиях для будущих социологов. Вместе отбивались от навязываемых сотрудников, которые обычно оказывались бывшими «ответработниками». Попытались обратиться к руководителю предприятий, где проводили прикладные исследования, партийных руководителей разного ранга.

Благодаря Ирине Марковне мне довелось познакомиться с замечательными социальными исследователями тогда большой страны — В. Ядовым, А. Здравомысловым, Г. Саганенко, В. Черноволенко, В. Паниотто... С Владимиром Ильичем нас связывает уже сорокалетняя дружба и соавторство четырёх книг, одна из которых стала университетским учебником по количественным методам для социологов, другая наша книга получила вторую премию на Всесоюзном конкурсе, на который было представлено около 400 работ (первая премия у академика Никиты Моисеева). И в этом есть «вина» Ирины Марковны.

Особое дело командировки. Ирина Марковна понимала, какую живительную роль они играли в моей жизни, и часто отпускала в Мо-

скву, Ленинград, Киев, даже если не было для этого особой производственной необходимости. Ей я обязан знакомством с основным репертуаром товстоноговского БДТ эпохи его расцвета, знакомством со спектаклями Ла Скала во время гастролей миланского театра в Москве, спектаклями Венской оперы, Шведской Королевской. Это радость, которая осталась со мной навсегда. И этим я обязан Ирине Марковне.

Упомяну два эпизода. Чтобы услышать великую Монтсеррат Кабалье в её лучшей партии Нормы, мне пришлось задержаться в командировке в Москве на 3 или 4 дня. Ирина Марковна продлила командировку. То же произошло, когда шведы давали тетралогия Вагнера «Кольцо нибелунгов». Такое отношение «шефины», как мы подчас называли Ирину Марковну, воодушевляло на творческую отдачу в повседневной работе. Ирина Марковна была умным руководителем, хотя у неё случались и ошибки (например, приглашение в нашу группу П., человека, не оправдавшего её надежд). У неё не было распространённой среди женщин-руководителей ревности к красивым подчинённым сотрудницам. Сужу по отношению Ирины Марковны к — без преувеличения — ослепительной красавице Е. К.

Уважение к Ирине Марковне питалось также уважением к верному спутнику её жизни — Леониду Николаевичу Курчикову. Он тоже был философом и тоже всю жизнь стремился к правде, истине. Я был поражён, когда узнал, что он, профессор и доктор наук, слушает вместе с младшекурсниками института связи курс «Теории вероятностей». Правда, эти лекции блестяще читал выдающийся математик Моисей Аронович Рутман. И тут мне невольно вспоминается книга великого учёного Лапласа «Опыт философии теории вероятностей». Уверен, что лекции Рутмана обогатили Леонида Николаевича. К слову, он был парторгом своего института. Парторгом, которого искренне уважали практически все сотрудники вуза. Его благодарно вспоминают там и сегодня, спустя десятилетия. Это, пользуясь словами драматурга А. Островского, «дорогого стоит».

Вспоминаю благородное поведение Л. Н. Курчикова уже в ОПИ, когда коллектив впервые ВЫБИРАЛ своего ректора. Это была победа коллектива. Тогда выиграли все, кроме... двоих самых активных борцов за справедливость — Л. Н. Курчикова и Ю. С. Денисова, подлинных интеллигентов.

Леонид Николаевич фанатически преданный физической культуре человек. Он привлёк к ней и жену. И сегодня, перешагнув порог

80-летия, он сохраняет отличную фигуру, силу, ловкость. Ему в любом возрасте нельзя было дать его календарных лет.

Леонид Николаевич преданный муж. Мне кажется, что он из редкой породы однолюбов. Любопытно, что в нашем присутствии он обращался к жене по имени отчеству. Она обычно называла его Лёней.

...Заканчивалась пятилетка нашего сотрудничества с Ириной Марковной. Я параллельно с основной работой защитил кандидатскую диссертацию. Ирина Марковна завершила работу над докторской.

Ей было непросто работать под началом жёсткого, авторитарного академика, тогда руководившего Южным отделением АН. Она решает вернуться в университет, где её уважали и ждали все годы разлуки. С нею возвращались туда многие сотрудники нашей социологической группы. Она взяла бы с собой и меня, но мне, беспартийному, можно было бы вернуться в ОГУ только с потерей половины зарплаты (а у нас в семье, кроме сына, к тому времени появилась дочь). Естественно, на это я пойти не мог. Ситуация осложнялась и тем, что после «шефины» нашим шефом стал упомянутый П., с которым воевали и Ирина Марковна, и мы, её ученики. Впрочем, сам П. отнёсся ко мне благожелательно, предлагал сотрудничество, но я не мог принять это предложение, перешёл теперь с должности старшего научного сотрудника АН на менее престижную должность старшего преподавателя кафедры высшей математики ОПИ. Вскоре стал доцентом, позднее был избран на должность профессора, наконец, академиком ИФЕТ (Истории, Философии, Естествознания и Техники). И на всём этом мне видится отсвет личности Ирины Марковны, которой остаюсь благодарным уже не одно десятилетие...

После расставания мы контактировали редко. Однажды она пригласила меня выступить на университетском социологическом семинаре. Некоторые пытались меня перебивать. Услышал её слова «Вы не спорьте, лучше слушайте, что он говорит». Это, не скрою, польстило. Потом получил приглашение на её юбилей в Дом учёных. Был благодарен за память, только смутило, не буду скрывать, что её приветствовал в качестве «свадебного генерала» деятель, которого я считал одиозной фигурой. Может быть, я был неправ.

Вспоминаю два года чтения лекций по математике для социологов ОГУ, по инициативе Ирины Марковны и Эммы Гансовой...

Было приятно увидеть, как быстро Ирина Марковна освоила компьютер. Удивился, узнав, что она играла на фортепиано, особо любила, как она говорила, «концерты для рояля с оркестром».

Я дарил свои книги Ирине Марковне и Леониду Николаевичу. Она благодарила. Но, признаюсь, не хвалила их, хотя мне этого хотелось бы. Я не обижался на неё: не уверен, что она их внимательно читала — ей, возможно, было жаль времени, которое надо была забрать у науки, по сути, смысла её жизни.

Но её интересовала не только чистая наука. Она занималась и «прозой» жизни — от судеб неблагополучных детей (это серьёзная, пока недооценённая государственная проблема) до проблем... чердаков и подвалов. Её статьи о праве собственности на чердаки и подвалы многоквартирных домов — настоящее юридическое пособие, дающее истолкование законодательства в этой области (Коммуналистские связи по месту жительства как одного из механизмов социальной и правовой защиты в условиях переходного общества. Сб. статей. — Одесса: Друк, 2000). Она помогла многим людям отстоять свои права. Её публикации даже фигурировали в судах.

Говоря об Ирине Марковне, нельзя не вспомнить о её — без преувеличения — героическом поведении в дни ГКЧП, когда возникла угроза возрождения «империи зла». В те дни многие честные люди замерли в страхе, ожидая прихода к власти «реставраторов». Ирина Марковна первой в Одессе выступила против ГКЧП на страницах «Знамени коммунизма», единственного не растерявшегося издания (редактор Юлий Мазур). Это был Поступок, даже подвиг «маленькой» женщины с большим государственным умом и отважным сердцем. Она преодолела страх за семью. Своим поступком помогла выйти из оцепенения многим людям, понять суть происшедшего.

...У Ирины Марковны были преданные ученики, в частности, Виктор Моин, ею особо ценимый, Михаил Кунявский, Галина Бессокирная, Наталья Тимофеева, трудом и усилиями которых была создана и издана книга памяти Учителя.

...Она ушла в одночасье (как, к слову, и мой отец, и в том же возрасте). О таких уходах говорят, что они удел благородных людей, честно проживших жизнь.

Встреча с Ириной Марковной и Леонидом Николаевичем — счастье. О подобных встречах говорят, что они дарованы судьбой.

Спасибо судьбе.

Валентин Семёнович Максименко — профессор Одесского национального политехнического университета.

В. Б. Моин

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ. ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКА

В конце ноября ко мне обратилась Галя Бессокирная, с которой мы много лет работали вместе с Ириной Марковной: «В Одессе готовят книгу к 80-летию Ирины Марковны. Напиши, пожалуйста, о ней небольшие воспоминания. Желательно, за 2–3 недели». Естественно, я тут же согласился. Как оказалось, весьма опрометчиво, ибо прошли три недели, но я так и не смог написать ничего вразумительного.

Судьба самым невероятным образом, через множество кажущихся мне совершенно случайными событиями и обстоятельствами, привела меня в ученики Ирины Марковны и в социологию. Но то, что для меня, как и многих других ее сотрудников, представлялось случайным, в действительности во многом было результатом ее целенаправленной деятельности. Это Ирина Марковна зачастую создавала те события и обстоятельства, которые переплели наши судьбы и повлияли на занятие социологией.

Я прекрасно осознаю, какую невероятно важную роль играла и играет в моей судьбе Ирина Марковна. Память о ней, воспоминания, чувство огромной благодарности живут во мне и часто всплывают в моем сознании. Как правило, это происходит самопроизвольно, без всякого видимого повода. Но публично выражать свое отношение к ней у меня никак не получается.

Чтобы помочь мне, Галя прислала воспоминания об Ирине Марковне, которые были опубликованы сразу после ее смерти в журнале «Социология: теория, методы, маркетинг» и материалы круглого стола в Одессе. И она мне действительно помогла. Внимательно все прочитав, я уже четко знал, что не надо писать — не надо писать о вкладе Ирины Марковны в науку, ее гражданской позиции, прекрасных человеческих качествах. Обо всем этом так хорошо написано, что я просто ничего не могу добавить. Тогда же я решил написать о той роли, которую Ирина Марковна сыграла и играет и в моей судьбе. Я надеюсь, что даже простое перечисление некоторых фактов моей

биографии, в которых Ирина Марковна сыграла решающую роль, поможет лучше понять и оценить ее.

Наше знакомство произошло в 1965-м, когда я занимался на историческом факультете. Никаких научных интересов и планов на будущее у меня не было. О том, что меня ждало после окончания университета, я не имел представления и не задумывался. Курс марксистско-ленинской философии, который начала читать Ирина Марковна, не вызывал у меня никакого энтузиазма и иллюзий. И совершенно неожиданно новый преподаватель оказался интересным человеком, который возродил у меня интерес к классической философии, которой я увлекался еще до университета. Ирина Марковна привлекла, вернее даже, «притянула» меня в философский клуб, которым руководила вместе с А. И. Уемовым.

Только благодаря Ирине Марковне мне удалось закончить университет. Она и А. И. Уемов руководили моей дипломной работой. Писал я о применении параметрической теории систем к анализу социальных явлений. На защите работу признали формалистской, антимарксистской и... провалили. Только активное участие И. М. на повторной защите позволило мне закончить университет, да еще с красным дипломом.

После окончания университета Ирина Марковна и А. И. Уемов дали мне рекомендации в аспирантуру. Но Ирина Марковна понимала, что шансов у меня (не коммуниста, даже не комсомольца, да еще с тайной «пятой графой») почти никаких, поэтому советовала поступать в аспирантуру в Новосибирске, о чем она договорилась с Р. Рывкиной. Но я предпочел холоду и неизвестности в Новосибирске, трехлетнюю «ссылку» (по назначению) в деревню.

Тогда Ирина Марковна предприняла еще одну попытку «вытащить» меня в аспирантуру. Она и А. И. Уемов дали мне рекомендацию в партию и убедили в правильности и даже «гражданственности» такого поступка. Но... наверное, к счастью, меня не приняли. Более того, навесили новых ярлыков. Дорога в аспирантуру в Одессе была окончательно закрыта.

После возвращения из деревни я не мог найти никакую работу. Ирина Марковна и ее муж Л. Н. Курчиков пытались устроить меня в социологическую лабораторию Политехнического института. Но на последней стадии меня «зарубил» отдел кадров. Наконец, Ирине Марковне удалось устроить меня лаборантом в социологическую лабораторию университета — она в это время уже работала в Одесском отделении Института экономики АН УССР, куда хотела взять и меня.

Ирина Марковна потратила много сил, чтобы выбить ставку, и еще больше, чтобы убедить директора взять на эту ставку меня. Она убеждала его, что у меня украинская фамилия, и что есть село, где почти все жители имеют такую фамилию. Наконец, меня взяли на работу, и после примерно 6 лет с момента нашего знакомства я начал сотрудничать с И. М.

Особо хочу подчеркнуть, до этого я социологией не занимался. О научных интересах Ирины Марковны, ее социологической деятельности не имел представления. Никак не участвовал в ее исследованиях. Я был просто бывший студент, которому, как и многим другим, она помогала устроить их жизнь, полагая, вероятно, что система обошлась с ними не очень справедливо. У нее был особый дар, упорство находить, «вести» студентов разных факультетов, выискивать сотрудников среди людей различных специальностей.

Мое тесное сотрудничество с Ириной Марковной длилось более 20 лет — вначале в Одесском филиале Института экономики, а затем в Одесском университете.

Я начал заниматься социологией не по зову души, а только потому, что этим занималась Ирина Марковна. Мы, все ее сотрудники, первоначально были дилетантами в социологии. Мы все, занимаясь прикладными исследованиями, одновременно познавали азы методологии социологических исследований, знакомились с некоторыми теориями. Для меня, как и для большинства из нас, это стало профессией на всю жизнь. Благодаря опыту, навыкам, профессионализму, приобретенным в процессе совместной работы с Ириной Марковной, я получил интересную профессию, которая меня также обеспечивала средствами к существованию.

Ирина Марковна не только была прекрасным научным руководителем моей диссертации, но заставила меня, как и многих других, ее написать. Взавшись за научное руководство, Ирина Марковна доводила соискателя до успешной защиты, каких бы трудов это ей ни стоило. Несколько раз она пыталась организовать защиту моей диссертации в Киеве, но ее даже не брали на рассмотрение. Тогда она организовала защиту в Минске, уговорив В. А. Ядова быть моим официальным оппонентом и приехать на защиту в Минск.

Многие мои публикации написаны совместно с И. М., а те, что я готовил сам, всегда предварительно неоднократно обсуждались с ней.

Для меня школа И. М. — это прежде всего ее жизненная позиция, отношение к людям, уважение к мнению других и пренебреже-

ние официальным статусом. Для меня, как и почти для всех, кто с ней работал, отношения с Ириной Марковной были вовсе не формальными. Естественно, мы не только занимались исследовательской деятельностью, мы делились с Ириной Марковной, как и она с нами, своими житейскими и семейными проблемами. Часто она и Л. Н. Курчиков помогали не только нам, но и членам наших семей в устройстве на работу, решении проблем здоровья. Кроме всего, уже в 1970-е годы Ирина Марковна и Леонид Николаевич были сторонниками и пропагандистами «здорового образа жизни» — ежедневные физические упражнения, голодание, правильное питание и т. п., что, бесспорно, в той или иной степени «заражало» и нас.

Когда я готовился уехать из страны, Ирина Марковна, вопреки сложившейся в те годы практике, дала мне возможность работать до последнего момента. Более того, она написала мне рекомендательное письмо. Я полагаю, что ее письмо, вместе с рекомендательными письмами Т. И. Заславской и Володи Магуна, во многом помогли мне найти работу по специальности в Израиле. Но все же главную роль сыграла та школа, то профессиональное обучение, опыт работы, которые я приобрел у Ирины Марковны. Несмотря на отсутствие у меня специального образования, я не чувствовал себя «белой вороной», дилетантом среди новых коллег (все они защищали докторские и проходили пост-докторат в университетах США). И это вовсе не моя заслуга. Честно говоря, я этого не ожидал. Упоминаю я об этом только потому, чтобы подчеркнуть тот высокий уровень требований, который предъявляла нам Ирина Марковна, и ту огромную работу, которую она проделала, обучая нас, дилетантов, новой профессии.

После моего отъезда мы переписывались, хотя и не часто. Ирина Марковна присылала мне свои статьи, книги, делилась новостями. Однажды Ирина Марковна с мужем приехали в Израиль. Мы о многом и о многих говорили. И мне казалось, что мы и не расставались, более того, за это время наши взгляды, образ мышления стали ближе. Мне ни с кем не было так интересно работать, как с Ириной Марковной, у меня ни с кем не было такой общности взглядов на исследовательскую работу. И занимаясь сейчас исследованиями по самой различной тематике, я использую те навыки работы, тот базис профессиональных знаний, которые мы приобрели у Ирины Марковны.

Виктор Борисович Моин — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Хайфского университета.

Б. Г. Нагорный

ОБРАЗЕЦ ЧЕЛОВЕКА ДЕЙСТВУЮЩЕГО

Трудно писать об Ирине Марковне Поповой, используя глаголы прошедшего времени. Профессиональное общество не спешит признавать авторитеты, но уже несколько десятилетий авторитет одесской школы социологии, который прежде всего связывается с именами Ирины Марковны Поповой и Нелли Александровны Победы, незыблем.

Причудливый прожектор памяти выхватывает из далеких лет конференции, здание Института философии на улице Героев революции, где находилось наше Украинское отделение Советской социологической ассоциации, заседание Правления САУ, в котором Ирина Марковна много лет представляла Одесское отделение, мой визит в жаркое одесское лето, к Ирине Марковне с просьбой написать отзыв о докторской диссертации. Помню какой резонанс (а тогда промышленные социологи занимали солидную часть профессионального сообщества страны) вызвала у «прикладников» работа Ирины Марковны «Стимулирование трудовой деятельности как способ управления (Социологический анализ)», которая вышла в Киеве, в издательстве «Наукова думка» 1976 году. И мне было приятно, когда три года назад в Санкт-Петербурге я встретился с Аллой Александровной Русалиновой (тоже такой же авторитетной личностью, как и Ирина Марковна, кстати, они подружились еще со студенческих лет), и мы вспоминали эту работу. И оценка Аллы Александровны, которая уже более сорока лет работает в знаменитом Научно-исследовательском институте комплексно-социальных исследований при Санкт-Петербургском университете и является одним из самых признанных экспертов в области методики и методологии исследований, много стоит.

Тогда я был заведующим сектором социологических исследований отраслевого НИИ и помню, как заинтересованно была встречена эта работа промышленными социологами. Теперь, спустя много лет, можно говорить о том, что И. М. Попова, наряду с В. А. Ядовым, А. Г. Здравомысловым, В. Г. Подмарковым, С. Ф. Фроловым, В. Г. Васильевым,

Ж. Т. Тощенко, Б. И. Максимовым, Е. И. Суиенко и другими, закладывала основы промышленной социологии в 60–70-е годы.

Исследователи, которые будут пытаться ответить на вопрос: «Что же произошло со страной в 90-е годы?», не смогут обойти статью И. М. Поповой, опубликованную в 11-м номере «Социологических исследований» за 1991 год «Социальные представления в обыденном сознании».

Ирина Марковна поделилась своей первой версией ответа на этот трудный вопрос, изложенной в этой статье. Поиски ответа продолжались до последних дней ее жизни и завершились одной из последних ее работ: «1989–1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе)», вышедшей в 2006 году. Но сегодня, когда перечитываешь эту работу, то приходишь к выводу, что многое из того, что обобщала, анализировала, из чего делала выводы Ирина Марковна, опираясь на одесский эмпирический материал, — все это не только об «Одесситы о себе и о переменах в обществе». Но, многие выводы и анализ (раздумья вслух) — это и о нас, проживающих в различных регионах страны. Что и говорить — именно все мы в те тревожные годы пережили то, что П. Штомпка назвал «культурной травмой», а Г. Татарова, говоря о проблемах, возникших перед исследователями, — «методологической травмой».

Поражает глубина анализа, предельная откровенность и желание поделиться с читателем о сложностях переживаемого момента. Эти качества автора особенно видны в третьем разделе работы «Диагноз времени».

«Закончив работу над обобщением результатов исследований, к которым непосредственно была причастна в 1989–1991 годах, я поняла, что не могу относиться к материалу, с которым работала, безучастно, «непредвзято», как и подобает исследователю. В стремлении понять это время слишком много было личного, свидетельствующего о непосредственной вовлеченности в события. Поэтому в качестве заключения я решила прибегнуть к такому жанру, как «Диагноз времени». Очень нестандартный вывод: ведь мы уже на втором курсе говорим студентам о том, что исследователь не имеет права, с целью чистоты исследования и получения наиболее качественной информации от респондента, обнаруживать свое мнение (установку исследователя).

И тем не менее, Ирина Марковна как очень опытный исследователь с многолетним стажем руководства и непосредственного участия во многих эмпирических исследованиях, понимая сложность

и трагичность анализируемого периода (1989–1991 гг.), сознательно делится своими сомнениями и тревогами с читателями и коллегами.

Более того, она не боится сказать о многих своих предположениях то, что практически не встретишь даже у многих солидных исследователей: «Возможно, и мои предположения умозрительны. И все же на вопрос «Нужно ли обсуждать утерянные возможности?» я считаю необходимым дать положительный ответ... Ибо прошлое, настоящее и будущее — единое целое, и понять его — это значит не исчезнуть бесследно в неумолимом беге времени».

Я думаю, что к этой книге будут обращаться не только социологи (я уверен, что эта книга, как и другие работы Ирины Марковны, особенно драгоценны россыпи статей по разным журналам, будут собраны в один том). Мне очень бы хотелось, чтобы в этот том попали и выступления Ирины Марковны Поповой в декабре 2007 года в Институте социологии НАН Украины на Международной конференции памяти Н. В. Паниной. Наверное, это было последнее (или одно из последних) выступление Ирины Марковны перед коллегами. И, обращаясь к молодым коллегам — участникам Всеукраинского конкурса молодых социологов, она говорила (и ее слова звучали, как напутствие) о самом важном — о профессионализме, о необходимости и преемственности и важности связей между разными поколениями социологов, поиске доступного языка при обнародовании результатов социологических исследований, о взаимопонимании социологии и власти.

Но особенно ее волновало — и это было видно по предельной откровенности и предельной эмоциональности выступления, — когда, напрямую обращаясь к молодым социологам, она говорила о профессиональной культуре, о важности использования наработанного опыта предыдущих поколений социологов. «Торопитесь спрашивать нас, пока мы живы! Задавайте вопросы!»

Она обладала драгоценной способностью видеть первые ростки таланта у молодых. На этой конференции в коротком перерыве я попросил Ирину Марковну подарить свою последнюю работу «1989–1991. Диагноз времени» самому молодому преподавателю выпускнику кафедры А. С. Мельникову. «Конечно. Я помню удачное выступление Андрея у нас в Одессе. Я пришлю ему книгу», — такова была доброжелательная реакция Ирины Марковны. И как свидетельство ее постоянной обязательности — бандероль в Луганск, Андрею Мельникову, с теплым автографом. Думаю, что слова «творческих

успехов» не были шаблоном. Она разглядела в молодом коллеге горизонт будущего. И нужно отметить, что А. С. Мельников оправдал эти надежды, в 2009 году успешно выступил в Сан-Франциско на Ежегодной конференции Американской социологической ассоциации, завоевал серебряную медаль на конкурсе молодых социологов им. Н. В. Паниной, а в 2010-м защитил кандидатскую диссертацию по социологии. Жаль, что Ирина Марковна не успела порадоваться этим успехам.

И еще, вспоминая наши многие встречи, я удивлялся ее довольно редкому, как ни странно, качеству в наше время — умению читать. Ирина Марковна очень много читала, умела в прочитанной работе увидеть главное, заметить логическую несогласованность автора, порадоваться новизне идеи. Вот почему так много значили ее похвала, ее рецензии.

Много лет назад Ален Турен, размышляя о проблемах личности, находящейся в сложных условиях глобализирующегося мира, предложив свою модель современного человека, назвал свою работу «Возвращение к человеку действующему?».

Ирина Марковна своей жизнью, сплавом редких качеств — блестящими теоретическими способностями в сочетании с талантом прикладника, умением в совершенстве делать черновую работу «прикладника», знающего секреты планирования и проведения полевого исследования, показала, что есть образцы действующего человека, действующего ученого.

Борис Григорьевич Нагорный — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля.

Н. Б. Отрешко

ЗАПОЗДАЛАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ...

Ушла из жизни Ирина Марковна Попова. Смерть творческого человека всегда преждевременна, поскольку уходит целый мир мыслей, которым не суждено быть изложенными в текстах, в лекциях, в докладах и выступлениях, в беседах с коллегами и учениками. Когда уходят такие люди, остается пустое пространство в жизни и в научном поле, место, которого никто не может заполнить. И приходит понимание того, что при жизни таких людей ты недостаточно ценил, часто воспринимая плоды их усилий как должное. Тем более, что существуют тексты, которые стали привычными для восприятия, поскольку не один год по ним учатся студенты, тексты, которые ты рекомендуешь для прочтения, не задумываясь, ведь это то, что будущим специалистам-социологам знать просто необходимо. К таким текстам относится учебник Ирины Марковны Поповой «Социология. Введение в специальность», за 12 лет ставший своеобразным украинским научным бестселлером. Его особенностью является простота изложения материала, четкость формулировки базовых научных понятий и особый авторский стиль.

Такого рода тексты — учебники по введению в специальность — представляют собой особый и крайне сложный для написания жанр научной литературы. Только настоящий профессионал, обладающий щедростью и даром просветителя, может написать учебник, пользующийся длительным читательским спросом. Такой учебник оставила нам Ирина Марковна Попова.

В нем не просто была изложена информация по поводу социологии как науки, ее функций, методов и основных научных направлений, а осуществился авторский замысел — представить свой взгляд на природу и специфику социологического познания мира. При этом Ирина Марковна отделила науку от других способов познания и духовной деятельности и дала четкое определение критериев собственно научного социологического знания. Столь же последовательно и ясно она обозначила различие между академической социологиче-

ской наукой с множеством методологических подходов, с одной стороны, и прикладными социологическими исследованиями, социальной инженерией — с другой. Особое внимание уделялось социальной природе социологии, ее зависимости и от социального заказа, и от политики. И наконец, Ирина Марковна обосновала необходимость гражданской позиции социолога не только как отстраненного наблюдателя и эксперта, а как участника современных ему социальных процессов. Она сама занимала такую позицию в своей научной деятельности и хотела видеть ее в деятельности своих учеников и всего украинского социологического сообщества.

В свое время учебник Ирины Марковны Поповой был одним из первых в Украине, сейчас их написано достаточно много, но то был авторский курс социологии, что и по сей день остается большой редкостью. И если согласиться с Ириной Марковной, что наука — это не только особый вид знания, но и особая форма духовной деятельности, то обучать ей необходимо не только посредством текстов, но и предлагая образец для подражания — посредством своих действий, своих жизненных принципов. Ее жизнь и была таким образцом.

Наталья Борисовна Отрешко — кандидат социологических наук, доцент социогуманитарного факультета Международного Соломонова Университета, г. Киев.

Н. А. Победа

РАЗМЫШЛЯЯ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. М. ПОПОВОЙ

Круг научных интересов И. М. Поповой достаточно широк. Если только обратиться к научным изданиям, то это «сознание и трудовая деятельность», «сознание и реальное поведение», «социальные технологии как приложение теоретической социологии к социальным практикам в разных областях национальной экономики», «повседневные идеологии в их эволюции развитии» и «социальное время», фиксирующее качественные изменения в способах мышления и способах действия отдельных групп и целых государств.

Но при всем разнообразии тематики внимание Ирины Марковны сосредотачивались на предмете методологии социального познания или реалити социальной практики, за необходимость преобразования которой она выступала и ратовала как активный борец со своими конкретными предложениями и действиями.

Оценивая вклад в развитие социологической науки, остановлюсь на трех позициях, которые кажутся мне особенно значимыми.

I. Прежде всего это **категория «социальность»**, представляющая базис методологических подходов к любому виду структурирования исходных концептуальных позиций. «Социальность», по мнению И. М. Поповой, означает совместный характер деятельности индивидов и разных социальных групп, связанный с удовлетворением многообразных потребностей, интересов, и осуществляющийся посредством присвоения предметно-вещественных, материальных условий, обеспечивающих воспроизводство человека как общественного существа. В связи с этим *социальная сфера* обозначается как основание поддержания жизни или, как бы сказали мы сейчас, — развития (совершенствования) качества жизни, а *социальные отношения* — характеристика *связей между людьми, способы взаимодействия*, которые складываются в процессе присвоения материальных, предметно-вещественных условий и средств жизнедеятельности.

Неразрывность связи экономических, политических, культурных отношений в их общем социальном статусе очевидна. Однако трудность разграничения также вызывала в свое время много дискуссий в научной среде, поскольку связь их не только сложна, но и противоречива. И. М. Поповой удалось, как мне кажется, достаточно корректно развести смыслы, составляющие сущность каждой пары. И «социальные», и «экономические» отношения работают одновременно на задачу распределения, обмена и потребления, но, с одной стороны, акцентируют внимание на вовлеченности человека в жизнедеятельность, его воздействие на воспроизводство и развитие различных качеств, свойств, умений, компетенций (социальные отношения), с другой — на результативности такой деятельности и способе связи, проявляющейся в производительности труда, воплощенных в нем свойств и умений (экономические отношения). В свою очередь «социальные» и «культурные» отношения фиксируют зависимость человеческого взаимодействия как от объективно-предметных, вещественных факторов (условий жизни и вовлеченности в деятельность по производству, распределению, обмену), так и субъективно-ценностных, неизбежно сопровождающих критическое отношение к уже сделанному или планируемому, и представленных обычно в символических и знаковых системах. В связи с этим различием И. М. Попова рассматривает далее такие категории, как «социальная политика», «социальное государство», «социальное благосостояние» и оценку гражданами проводимой государством политики.

Таким образом, используя тезис К. Маркса о присвоении условий бытия и выстраивая специфические научные конструкции вовлеченности в реальные и многообразные социальные практики, удается до некоторой степени обосновать собственно социологический угол зрения относительно «социального» как базиса всех видов общественных отношений, «увязать» взаимодополнительность и некую самостоятельность «объективного» и «субъективного».

II. Понимание природы «социального» непосредственно связано с характером социологического объяснения, того глубинного уровня, который не лежит на поверхности, а представляет собой латентные и многомерные связи. Традиционно такими отработанными направлениями факторной зависимости являются условия жизнедеятельности, либо ценности и нормы, либо социально-демографические характеристики. В современном понимании системы ценностей классифицируются по разным основаниям (школа М. Рокича — «ба-

зисным» и «инструментальным», Инглехартом — «материалистическим» и «постматериалистическим», ситуативным, религиозным и т. д.). В конце 60-х годов таких развернутых конструкторов еще не было. Т. Парсонс, вводя понятие системы в социологическую науку, относил их к «культурным компонентам», понимая под этим совокупность оценок, представлений о хорошем и плохом, справедливом и несправедливом, должном и не должном». По его мнению, система ценностей определяет лицо общества, положение различных институтов и «завязывает» действующих лиц в систему.

Сам системный подход к рассмотрению общества начал только формироваться. А. И. Уемов, один из первопроходцев представления об обществе-системе как предмете исследования, замечал, что для построения модели системы недостаточно констатировать отношения между вещами. Необходимо выделить то свойство отношений, которое будет играть роль *системообразующего признака*. И. М. Попова, работая под руководством А. И. Уеова и разделяя его увлеченность системным подходом, включилась в соответствующие научные дискуссии. Публикуя статью «Системный подход и проблема ценности» («Вопросы философии», 1968, № 5), она обратила внимание на то, что с помощью теорий системного анализа и ценностно-нормативных регуляций можно нащупать те механизмы, с помощью которых «идеи овладевают массами», и те силы, которые делают идеи практически значимыми. Отдавая дань новой теории, она считала ее инструментом объединения микро- и макроподходов, эмпирической и теоретической социологии. Со свойственной ей последовательностью она обратилась к категориям «норма» и «ценности», показала их несводимость друг к другу и обратилась к научному сообществу с вопросом — «Как формируется система ценностей и чем объясняется ее противоречивость?»

И в последующие годы И. М. Попова критично относилась к ценностной системе. Она считала, что не следует рассматривать ее как общую социологическую теорию, а скорее следует перевести в разряд специальных. А в переводе В. А. Ядова ценностной школы американского социолога М. Рокича усматривала неточность передаваемых смыслов.

В конце 90-х годов категории «ценностных систем и ценностных ориентаций» активно разрабатывались разными национальными школами с учетом разных постановочных задач. В современном понимании они рассматриваются и как рамочные объективные условия

субстанционального характера, в которых действуют люди, и как отношения между социальными позициями, выражающие их оценку, и как социальные структуры, организующие социум наряду с другими аналогичными формами. Но всегда вовремя поставленные вопросы получают то или иное разрешение. И это сделала И. М. Попова.

III. Динамическая социология или социология изменений — сравнительно новое направление в социальных науках. Общества никогда не являются тем, чем они кажутся или хотят казаться. Это подчеркивает уязвимость любой системы отношений. Все общества обнаруживают случайности функционирования, делающие нестабильными временное равновесие. В то же время каждое общество заключает в себе новое, и любой социальный порядок имеет проблематичный характер, поскольку является нестабильным компромиссом сил структуры и деструктуризации. Как же понять характер изменений и их направленность для общих целей развития?

Динамическая социология выбирает в качестве предмета исследования специфические феномены, при этом не меняет своего взгляда: объективности, одновременно «понимающей» и «объясняющей» характер перемен.

Представленная монография И. М. Поповой «Диагноз времени» отвечает этому новому направлению и рассматривает «критические феномены»: кризис перестроечного времени, который проходил, по мнению автора, на конец 80-х годов; ожидания населения, связанные переменами — отхода от государственного социализма и тоталитаризма; и изменения общественного сознания, вызванные ломкой традиционных структур. Она удачно укладывается в жанр историко-социологических очерков, поскольку объясняет новые смыслы ожиданий, всплеска активности населения, разочарованный в контексте социального сравнения и одновременно, не загадывая структурные и системные схемы, проблематизирует социальную реальность и социальное время фрагментами взаимодействия или «игры» власти с разными политическими силами, суть социально-экономических отношений, обозначенного периода, а также конфигурации межнациональных тенденций.

Теоретическая значимость работы состоит в проблематизации переходного периода, когда происходят изменения структур. Дискуссиям о диаметре традиционного и современного общества придается новый смысл: какого рода традиционализм вытесняется — фундаментальный, формальный (советского типа), инструментальный или

демонстрационный. Неслучайно автор выбирает в качестве категории, вокруг которой обсуждается вектор проблем — «социальную справедливость». Она по новому открывает тему власти, динамизма отношений между структурами власти и рядовыми гражданами, призванными обеспечить развитие страны. Это относится и к ряду других категорий.

Удачно найдена форма подачи материала. Историческая логика событий и опросов, характеризующих сложный период, — конец жизни советского государства — предваряется исторической хроникой деятельности государства и КПСС указанного периода. Драматургический сюжет интенсивных действий структур власти показывает как нарастает напряженность в обществе. Это особенно важно для молодого поколения, которое не знает о роли фракции «Демократическая платформа» и попытках демократизации общества в контексте жесткой ломки традиционализма в пользу современности.

Институциональный аспект как самостоятельная сюжетная линия не нашла отражение в работе, но примечателен факт взаимодействия политических радикалов, средств массовой информации и социологов в едином порыве — донести до общества суть перемен и высветить гражданскую позицию субъектов перестройки. Каждая из дисциплин — политология, журналистика, социология — оперировала при этом своими средствами при общей цели.

Заслуживает уважения авторский комментарий: он фиксирует как эволюцию общественного сознания, так и прозрение самих социологов, выстраивающих инструментарий исследования на определенном историческом отрезке времени. Тем самым И. М. Попова «феномен кризиса» развертывает во всем спектре — как обнажение противоречий социальной реальности, как момент просветления тех, кому не удается контролировать саморегулирующуюся социальную реальность, как желание верить и способность обманывать тех, кто полагается только на управление сверху и как «прозрение» самих социологов, оттачивающих способы анализа и интерпретации «порядка в социуме».

Работа снабжена Приложением, что подтверждает диагностику социальной реальности того периода и верифицирует собственно социологические задачи. Методически отработанная и структурированная по стратегическим целям монография И. М. Поповой имеет самостоятельное значение как для оценки исторического и социального контекста, так и для хроник собственно социологической деятельности.

Вместе с тем рефлексивный взгляд на события конца 80-х — начала 90-х годов мог быть более острым. Категория «социальной справедливости» не устарела и сейчас. Но в новом общественном устройстве она не столь идеологизирована как ранее, а скорее сильно прагматизирована. Хотелось бы надеяться, что новое поколение социологов, в которых она сможет раскрыться.

Не вполне обоснован в работе выбор методов, которым добывалась информация в период конца 80 — начала 90-х годов. Создается впечатление, что такой выбор был данью моде или подтверждением отсутствия финансирования. Однозначно одно украинская социология и в конце XX века только открывала окно в большой мир, все ещё пребывая на этапе становления.

Есть претензии к специфике объекта исследования — «одесситам», как социальной общности. Он обладает своими особенностями. Из материалов исследования не вытекает как Одесса, которая говорит о себе, что она « не первый город, но и не второй», выглядит в этом общем для страны зеркале общественного мнения.

Нелли Александровна Победа — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

С. В. Романенко

ИСТИННЫЙ УЧЕНЫЙ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ

Ирина Марковна Попова принадлежала к славной когорте ученых, сформировавшихся в эпоху тотального материализма и веры во всемогущество науки. Задача социологической науки для нее, как человека глубочайших и всесторонних познаний, не ограничивалась изучением и коллекционированием социальных закономерностей, а состояла в необходимом использовании их для изменения и совершенствования социальных процессов. Социология как наука должна была настойчиво развиваться по этому трудному, но замечательному и единственно перспективному пути.

Именно поэтому Ирина Марковна неутомимо включалась в борьбу за то, что считала правильным, не жалела сил на хождение по инстанциям и кабинетам с тем, чтобы изменить существующее положение дел. Результаты проводимых исследований подсказывали ей очередную болевую точку нашего общества, которая требовала всеобщего внимания. Так Ириной Марковной была начата и завершилась победой борьба с реформой ЖКХ в Одессе. Она настойчиво указывала чиновникам на несостоятельность мер, предпринимающихся для помощи беспризорным детям. Доказывала необходимость введения изучения русского языка в одесских школах и т. д.

Мое знакомство с работами Ирины Марковны началось с книги «Стимулирование трудовой деятельности как способ управления». Тогда еще начинающего исследователя с математическим образованием, меня поразила строгость, логичность и следующие из этого простота и ясность определений. Ее научные доклады на конференциях, кафедральных семинарах всегда были невероятно глубоки и содержательны, опирались на солидную теоретическую и эмпирическую базу, но при всем этом неожиданно просты для понимания.

Секрет этой простоты заключался в кропотливом труде Ирины Марковны, а также ее невероятной щедрости. Эта щедрость проявлялась в желании поделиться с другими результатами своего труда. Именно это заставляло искать те слова, которые наиболее кратко и

точно выражали мысли; отказываться от искушения использовать излишне сложную терминологию; строить свое выступление логично и последовательно. Ирина Марковна всегда внимательно вычитывала статьи и работы ее учеников и четко указывала на малейшие логические противоречия, что было очень полезно и существенно упрощало дальнейшую работу.

Ирина Марковна всегда готова была поделиться собственными идеями и наработками с другими, упорно добивалась создания банка данных проводимых исследований с тем, чтобы поставить социологию на службу общественным потребностям, а также более прочно привязать исследовательскую активность подрастающего поколения социологов к реалиям нашего дня. Ирина Марковна не приветствовала занятия наукой ради «спортивного интереса» или удовлетворения собственного научного любопытства. Изучать всегда следовало то, что соответствовало запросам общества в данный момент.

Именно поэтому так тяжело было работать в последние годы: жизнь вокруг теряла ту логику, которой так тщательно следовала Ирина Марковна, мир перестал быть логичным. Общественные явления и происходящее рядом все чаще не подчинялись законам элементарной логики, приходилось довольствоваться только сиюминутным объяснением событий. Как понимающему социологу, ей удавалось тонко чувствовать, понимать и объяснять происходящее, но как ученый с глубоким рациональным мышлением, она упорно искала и указывала рациональный и логичный путь решения проблемы.

Социологу мало понимать и объяснять происходящее, социология как наука должна предлагать реальные способы совершенствования и развития общества, а также настойчиво пропагандировать их внедрение. Именно таким социологом была Ирина Марковна: истинным ученым в реальном мире.

Светлана Владимировна Романенко — кандидат социологических наук, декан отделения социологии, доцент кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

В. А. Ядов

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Ирина Попова — мой товарищ по философскому факультету в Ленинграде. Я даже некоторое время ухаживал за этой жизнерадостной и умной девушкой. На протяжении всего последующего времени мы оставались добрыми друзьями и единомышленниками.

Роль Ирины в становлении советской социологии, и особенно в Украине, очень значительна. Прежде всего потому, что она остро переживала социальные проблемы. Оттого и углубилась в социологию. Ее исследовательский талант и стремление критически относиться к прочитанному общеизвестны по публикациям. Я же добавлю, что Ирина была отчаянным оппонентом в любом разговоре на научные темы.

Будучи по характеру лидером, Ира не могла нормально себя чувствовать без занятия каким-нибудь общественным делом. А с университетским дипломом и тем более дипломом кандидата наук она не мыслила занятия наукой без общения со студентами. Она с энтузиазмом приняла горбачевскую перестройку и с глубоким разочарованием — разлад в постсоветской Украине на почве двух родственных языков. Вообще, всякую несправедливость она остро переживала, и если практически могла что-либо сделать, действовала.

Ирина Марковна — это подлинно рыцарь без страха и упрека.

Владимир Александрович Ядов — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН, декан факультета социологии Государственного университета гуманитарных наук.